

М И Х А И Л П О Г О С О В

ПРИГОВОРЁННЫЙ

Роман написан
по сценарию одноимённого кинотриллера,
снятого режиссёром Михаилом Погосовым
с Игорем Савочкиным
в главной роли.

Москва 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

В оформлении обложки
использован постер
кинокомпании ООО «БЕРГ САУНД».

Погосов, Михаил Еремович.

П43 Приговоренный / Михаил Погосов. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-118052-2

Предупреждение МЧС пришло ещё вчера. Ураган и дождь, длившиеся несколько дней подряд, подняли воду во всех реках. На склоны гор и ущелья обрушились смертоносные селевые потоки.

Майор полиции Михаил Симонов, дежуривший в ту жуткую ночь, принял тревожный звонок от неизвестной. Застряла в горах... Подвернула ногу... Одна, посреди ночи и урагана в темном апшеронском лесу на краю обрыва. И у нее — паника.

Вот только не грозы девушка боялась... Она была уверена, что кто-то темный и страшный, как призрак, ее преследует.

Михаил, все время оставаясь на мобильной связи с пострадавшей, слышит всё, что происходит с ней, и пытается спасти ее ценой своей жизни и свободы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лебедев И.Г., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118052-2

*Памяти
Игоря Савочкина
посвящается*

ПРОЛОГ

— ...Помогите, помогите! Он рядом, он где-то здесь, я чувствую его, слышите?! Помогите мне, прошу вас!

— Маша, Маша, успокойтесь! Мне надо знать, где вы находитесь! Оглянитесь вокруг и опишите, что видите?

— Нет, нет, нет! Я бегу... бегу...

— Маша! Если вы не скажете, где находитесь, я не смогу помочь! Вы понимаете?

— Тут... тут очень темно... и дождь... такой сильный дождь! Везде деревья... и дождь... Я ничего... ничего не вижу! Мне холодно! Мне страшно! Помогите мне! Вы обещали! — Задыхающийся голос девушки срывался на крик отчаяния.

— Маша, опишите местность! Чтобы вытащить вас оттуда, мне надо знать, где вы находитесь! Прошу вас, успокойтесь... хоть немного!.. Вглядитесь в темноту! Что вы видите?

— Ничего! Я же вам говорю, тут сплошная стена из дождя! Только ветки... Аааа! — девушка закричала.

— Что, что случилось?

— Я поскользнулась... и упала! Как больно! Господи! Я не могу идти! Ах! Что это?

— О чем вы?

— Там что-то мелькнуло! Какая-то тень!
Это он? Господи, мне страшно!

— Маша, поднимайтесь! Спускайтесь по склону! Надо выбраться обратно на дорогу и двигаться вниз по серпантину! Иначе он снова отыщет вас, слышите?!

— Да, да, да! Ах!!!

— Что? Что опять случилось?

— Молния... такая яркая... я увидела!

— Его? Он рядом?

— Нет! Я увидела мост!

— Какой мост? Там нет никакого моста!

— Есть! Такой узкий... деревянный... для пешеходов... качается в воздухе.

— Подождите... Вы что, уже у реки? Так быстро?! Маша, Маша, не надо идти в сторону этого моста! Вы слышите меня, Маша?

— Я... я уже тут, я бегу!

— Мария, вы куда?! На этот мост нельзя!

— А-а-а!

— Что случилось?

— Молния, снова молния! Я увидела его тень! Вот он, вот!!!! У него нож в руке! Я бегу, бегу на мост!

— Нет! Не надо!

— Это единственный путь! Я здесь, я на мосту! Тот берег... уже близко... я вижу его...

— Маша, остановитесь! Стойте! Туда нельзя! На той стороне... нет выхода!

*Краснодарский край, город Апшеронск,
23 октября 2018 года*

Максим стоял на дощатом прогнившем полу заброшенного бревенчатого домика и с тоской смотрел на пейзаж снаружи. Наступившая неожиданно, как это часто бывает на юге, осень быстро раздела деревья, заставив скинуть половину пожелтевшей листвы. Сквозь облезлые ветки Максим теперь хорошо видел подвесной деревянный мост, раскачивающийся на двух больших опорах, сваренных из проржавевших металлических швеллеров.

До моста было метров двести, не более...

«Как она бежала? По прямой? Или петляла между деревьями? Было же темно... никакого освещения... Наверное, петляла», — холодный и расчетливый ум старшего следователя по особо важным делам Главного Следственного Управления старался работать без эмоций. И ему это почти удавалось...

Почти... Главное слово!

Максим так и не смог за двадцать лет службы изжить в себе сочувствие. Хотя жить с этим ощущением было невыносимо. И не нужно...

Эти чувства, эмоции, вся не имеющая отношения к делу чушь... они только мешали. Надо концентрироваться на фактах, на показаниях, на данных экспертиз и на том, что предписывает делать закон. Все остальное... лирика!

Да и потом, дело по этой девице давно закрыто! Какого х... он думает о нем?! Виновный пойман, осужден, срок наказания отбыл сполна... И при чем тут вообще его, Максима, дело?! Гнать надо эту мысль! Гнать и заниматься фактами!

А самое главное, что и дело-то это не совсем понятно, его или нет! Зараза, как эта баба ворвалась в его жизнь?! Смешала все карты... Теперь, в случае чего, виноват будет все равно он. А в случае успеха... эта тварь припишет все себе! Максим хорошо разобрался в кабинетных играх и заранее знал исход. Переиграть соперницу ее уровня было нереально. Ну, ничего... и он не пальцем деланный...

На мосту появилась она. Та, из-за которой все и началось...

«Интересно, девчонка шла так же?» — Максим снова вернулся к делам давно прошедших дней. И зачем только?! Конечно, не так!

Та девушка бежала, тряслась от страха, молила о пощаде... Наверное... А эта... эта сама кого хочешь загонит в угол и сотворит с ним все, что пожелает.

«Хороша!» — Максим в очередной раз оце-

нил красивую фигуру Ольги, уверенно шагавшей в его сторону по раскачивающемуся мосту. Стройная, высокая, ухоженная, в хорошей спортивной форме, она была из тех, на кого всегда обращают внимание мужчины.

«Где, блин, прическу уложила?! Рано утром ведь приехали...» — Максим успел оценить густую шевелюру красавицы, волнами спадавшую на ее плечи. Усиливающийся ветер развевал Ольгины волосы в стороны, открывая высокую загорелую шею, едва прикрытую воротником светлого плаща.

«Оделась, как на фотосессию! Сучка! Это лес, красавица, тут резиновые сапоги и шапка-ушанка нужны!» — Максим в очередной раз поймал себя на том, что Ольга оказывала на него сильное дестабилизирующее воздействие. Почему? Кто ее знает. Подполковник юстиции был трезвым и мудрым человеком. К тому же он давно научился разбираться сам в себе. Максим понимал — Ольга ему нравится. Более того, она нравится ему гораздо больше других женщин. Ее походка, улыбка, манера говорить, откидывать назад пряди волос, поворачивать, слегка наклоняясь, голову в сторону собеседника рождали в Максиме почти звериные чувства. А когда Ольга подходила и опиралась о край его стола в офисе на Дмитровке... ее выгнутая спина, плавно переходившая в округлые бедра, двумя выпуклыми холмиками поднимавшиеся над го-

ризонтом его фантазий... Эта картина и ее запах, да, запах, сводили следователя с ума, заставляли сердце биться в три раза быстрее и чувствовать себя неудобно.

Возвращалось что-то забытое из седьмого-восьмого класса школы в Питере. Макс, не окрепший тогда еще подросток, почти терял сознание, останавливаясь рядом с мечтой его снов — учительницей географии, сексапильной двадцатилетней брюнеткой с убийственной силы ароматом. «Так пахнет секс», — думал пацан, вдыхая и стараясь удержать в себе ее флюиды. А вместе с ними и бешеную энергетику молодой красавицы, мечту всех учеников старших классов.

Да, вот оно! Энергетика. Она выпирала из Ольги не меньше, чем из той училки с непропорционально широкими бедрами. Ольга была такой же бешеной, только более утонченной и, как теперь говорят, крутой. Она сбивала следака с любой мысли, как только приближалась к нему на расстояние полутора-двух метров. Находясь так близко, Лебедев просто переставал себя контролировать.

Означало ли это, что Максим ее любил? Скорее всего, нет. Да ну, нет, конечно... Любовь — это для подростков и юношей... А в их возрасте отношения с женщиной, как писал известный прозаик, — это судьба. А в судьбу следователь давно не верил.

Вообще, само слово «любовь» Максим вычеркнул из своего лексикона еще лет десять назад, после развода с Ириной. Слишком дорого ему далось то, что подходило под это понятие. Годы уверенности в рожденном в глубине сознания постулате, что есть смысл жизни в отношениях с родным, как ему казалось, человеком женского пола, разбились в итоге о непонимание друг друга в элементарных вопросах. Между ними не осталось ничего, кроме несчастного пацана, шестилетнего Левки, ради которого они и пытались жить. И неважно, кто был виноват...

А что Левка?! Сейчас он вырос и вспоминает отца, только когда нужен новый косарь на кино с девчонками... Или диск для плейстейшена...

Как дешево судьба оценила его место в жизни сына!

Ольга Петровна подходила все ближе. И с каждым шагом все больше выдавливала из Лебедева остатки мыслей о бывшей семье.

Максим не мог отвести взгляда от приближавшейся женщины, подсознательно готовясь к желанному общению. Какой-то бред! Он одновременно категорически не хотел ее видеть и в то же время почти жаждал присутствия психолога рядом.

Что за наваждение! И как от него избавиться?!

Нет, он точно не любил эту яркую и уверенную в себе красавицу, которая шла к нему

по размякшей от дождя тропинке, выложенной с правого края большими камнями... Просто хотел обладать ею. Как дорогой и красивой вещью. Как той, находясь рядом с которой он мог уверенно претендовать на что-то большее в своей жизни. Больше того, чем был на самом деле. Максим понимал — само это желание делало его хуже. Как человека и как мужчину... Но он потратил слишком много сил, чтобы всегда быть честным с самим собой. И никакая Ольга, умная и породистая выскочка, использующая всех вокруг и его самого для решения своих карьерных вопросов, не сможет заставить «стального» следака отказаться от своих принципов.

— Ты опоздала! — Максим имел привычку начинать разговор с претензии. А лучше с нескольких сразу. Это ставило его в более выгодную позицию по отношению к собеседнику. Так делали все, кто смог подняться выше его по карьерной лестнице.

Ольга сверкнула глазами в сторону Лебедева, отряхивая капли воды со своего плаща. Взмахнув головой и слегка склонив ее в своей фирменной манере, она, словно породистая кобыла, избавилась от лишней влаги на голове. Обнажив крупные и ровные зубки, красавица заманчиво улыбнулась:

— И вам доброе утро, Максим Евгеньевич!

— Зачем мы здесь? — Его заход в этот раз не удался. Как, впрочем, и в прошлый...

— Вы не хотите посмотреть на место, где все началось? — Ольга оглядела проваленную крышу домика и распахнула плащ, открыв следователю вид на приличного размера грудь, подчеркнутую утягивающей кофтой нежно-кремового цвета. — Да-а-а... тут многое изменилось!

— А вы что, бывали здесь раньше? — Максим непроизвольно взглянул внутрь глубокого выреза, поймав усмешку коллеги.

— Конечно, ведь это моя работа!

— Понятно! А теперь давайте по-серьезному, Ольга Петровна. Что мы тут делаем? — Максим чуть вскинул бровь, изменил голос и пристально посмотрел в глаза наглой собеседнице. Так он делал на допросах. Срабатывало почти всегда. Мало кто выдерживал его тяжелый и опасный взгляд.

Ольга смотрела в глаза Максима несколько секунд. Потом рассмеялась так, что эхо ее звонкого голоса вылетело из дырявой крыши полуразрушенного домика и унеслось далеко ввысь.

— Ты... ты меня допрашиваешь, что ли?! — еле успокоившись, выдавила из себя Ольга. — Кстати, что у тебя с костюмом? Весь мятый какой-то! На сеновале спали, товарищ старший следователь?

Оля всегда мастерски уводила разговор в сторону, находя бреши в обороне Максима.

Его темно-серый классический костюм явно знавал лучшие времена. В принципе не такой уж и плохой изначально, пошитый на заказ за тридцать пять тысяч в московской мастерской неподалеку от гостиницы «Ленинград», он переживал уже третий год непрерывной носки. Приноровившись к деталям высокой и широкой в плечах фигуры хозяина, костюм стоически переносил все тяготы кабинетно-объектной службы. Но все-таки старел, выдавая прижимистость Лебедева и его старание доказать окружающим свою абсолютную аскетичность.

Ночной перелет, помятая у изгибов воротника рубашка, невыразительный «полковничий» галстук и — главное — средней цены туфли на толстой подошве блекло-коричневого оттенка, совершенно не соответствовавшие по цветовой гамме всему остальному наряду... Да, и в том числе черному тонкому плащу... Все вместе детали его гардероба отдавали неухоженностью и резко контрастировали с блестящим внешним видом собеседницы.

— Оставим мой внешний вид и вернемся к вопросу — зачем мы здесь? — добавив стальных ноток и хмурости во взгляде, повторил Лебедев. Ему стоило немалых усилий выдержать ее залиvistый смех.

— Вернемся! — Оля весело сверкнула улыбкой, еще раз показав свои белые зубки. — Толь-

ко сначала ответишь ты — это допрос? Или коллеги беседуют?

Голос Ольги звучал сильно и непринужденно. Казалось, она задействовала свои внутренние ресурсы лишь на долю процента. И, тем не менее, уверенно контролировала их разговор. В то время как Максим уже находился на первой стадии отработанного годами морального прессинга. Ничего, в его лестнице много ступенек...

«Хороша, сучка... б... хороша!..» — только и мог подумать Максим. Но надо было что-то отвечать!

— Допустим! Неужели ты думаешь, я не увидел твоей личной заинтересованности во всей этой истории? — Максим выдержал удар.

Взгляд Ольги слегка изменился. На какую-то долю, самую минимальную, незаметную многим... но не опытному следаку.

«Зацепил! — удовлетворенно подумал Лебедев. — Наконец-то! Однако...»

Месяцы общения с этой неожиданно свалившейся ему на голову из центрального аппарата экспертшей, или психологом-криминалистом, как было написано на ее визитке и в личном деле, научили подполковника быть готовым к любым поворотам. Психолог, она знала, как манипулировать людьми. И он знал... Так что они были достойными противниками. Только, конечно, она гораздо более эффективно исполь-

зовала против него свою женскую магию... Ответного равноценного оружия у подполковника юстиции не было...

«Ничего, мы с этим поборемся...»

— Ну, если так... давай будем откровенны до конца. — Ольга достала из сумочки маленький бархатный чехольчик, из которого извлекла устройство для электронных сигарет. — Надеждет... непростой день. И необходимо, чтобы ты довел все до конца. Причина банальна — мне нужно это дело. Во-первых, в нем сконцентрирован собиравшийся годами материал для моей научной работы. Во-вторых, в случае успеха — это новое звание, в том числе и для тебя. В-третьих, возможность задвинуть некоторых выскочек и стать независимой в своих делах. И в-четвертых... — Ольга, наконец, затаилась и слегка зажмурилась, согревая легкие теплым паром, — пришло время, в конце концов, покончить с этими убийствами. Ты так не считаешь?

— И поэтому мы здесь? — Максим быстро окинул взглядом полуразвалившийся после давнего пожара деревянный сруб с обугленными стенами и провалившимся потолком.

— Здесь мы потому, что я не уверена в твоей убежденности. Ты... не созрел для того, что мы хотим совершить. И поэтому мы здесь.

— Решение принято вышестоящим руководством под... твоим нежным давлением.

И прогулки по грязным пепелищам на него никак не повлияют!

Ольга уловила сарказм следователя. Он уже не раз в их личных беседах отмечал ее «методы» работы с руководством комитета как «нежные».

«Неужели тебя это так задевает, милый?! — легкая усмешка блеснула в уголках ее манящих губ. — Или тебе тоже хочется нежности?!»

— Да... принято... — Ольга добавила ласковых нот в голос и повадки. — Но кроме этого тебе нужно самому ощутить все то... все то, что тут произошло. Тогда ты не отступишь.

— Чушь! Что за бред?! У меня сотни дел за плечами! И ты думаешь, я каждый раз проникаюсь атмосферой места преступления, чтобы делать свою работу?! — голос Максима становился громче и сквозь дырявую крышу поднимался над поляной с одиноко стоящим в углу полуразрушенным охотничьим домиком. — К чему эти прогулки и дешевые уловки?!

Улыбка почти исчезла с губ, а главное, из глаз Ольги, которые теперь, не мигая, смотрели на собеседника. Она внимательно и быстро «исследовала» лицо Максима, каждую его морщину, заглянула в уголки напряженных глаз. И решила, что ей нечего бояться. «Стальной» следак все-таки был в ее власти — зрачки слегка блуждали, а краешек левого глаза заметно подергивался. Надо лишь сменить модель игры, и тогда инициатива вновь вернется к ней.

— Это место может сыграть в нашем эксперименте ключевую роль.

— Почему? С чего это ты так решила? У тебя есть какая-то оперативная информация? Тогда почему ты не доложила ее мне? Или это догадки кабинетного психолога с Фрунзенской набережной? Где ты их сделала? В дорогом ресторане в центре Москвы в промежутке между салатом и стаканом сока? Или в кресле в салоне красоты? — Максиму явно хотелось задеть Ольгу, показать ее абсолютную непригодность в «полевых» условиях. Если в Москве ей еще удавалось вертеть генералами в теплых кабинетах, то здесь, «на земле», она была никто в схватке с такими, как он.

Максим смотрел в глаза Ольге и ждал ее капитуляции.

— Мы приехали сюда с утра пораньше, — собеседница вкрадчиво и даже более чем ласково подбирала слова, — чтобы ты почувствовал все, что произошло тогда... Без этого тебе, как главному в нашей операции, в нужный момент не принять правильного решения. Ты же прочитал заново материалы дела, Максимушка?

— Прекрати меня так называть! — Максим резко среагировал на последние слова. Он очень не любил, когда она переходила на эти материнские интонации.

— Не нервничай! Я же не собираюсь тебя отшлепать!

Психолог, явно провоцируя собеседника, повернулась к нему спиной и сделала несколько шагов в угол домика. Прогнившие половицы коварно заскрипели под ее ножками в модных кожаных кроссовках на высокой платформе.

Запах сырого дерева, до конца так и не потерявшего затхлый аромат старого пожара, раздражал и выталкивал из развалин. Что-то мерзкое и гиблое чувствовалось внутри сруба. Отсюда хотелось уйти! Но куда? Вокруг лишь густой лес. Единственный выход — на мост через поляну... И обратно в город! Но туда совсем не хотелось... Там еще хуже...

Ольга смотрела на качавшийся вдалеке подвесной мост и вдруг почти отчетливо увидела ее... Но теперь она не бежала, а стояла в центре моста прямо над плескавшейся на дне оврага рекой. Каково ей было тогда? В миллион раз хуже, чем Ольге сейчас!

Надо было довести разговор с Максимом до конца. И успокоить его! Иначе что-то может пойти не так...

Подойдя к разбитому и заколоченному окну, Ольга развернулась к следователю лицом.

— Или тебе бы этого хотелось, а, подполковник? — В ее голосе снова появились игривые нотки.

Максим сделал несколько быстрых шагов и схватил ее за плечи.

— Ты... не играй со мной! Слышишь?! — Лебедев начал выходить из себя.

— А то что? — Ольга сама посмотрела в глаза Максима стальным взглядом.

Мужчина продержался совсем недолго. В какой-то момент его подбородок чуть задрожал, веки слегка прикрыли глаза. Он резко наклонился и поцеловал ее в губы. Сделал это грубо и больно, явно рассчитывая на какой-то отпор, сопротивление со стороны женщины. Но она даже не шелохнулась. Так, в тишине, они стояли несколько секунд.

«Сорвался, debil...» — успело промелькнуть в его голове. Наконец Максим оторвался от Ольги и, не отпуская ее плеч, отпрянул слегка назад.

Женщина смотрела на него немигающим взглядом.

— Все? Доволен? — В голосе психолога не было эмоций.

— Я поеду... буду в гостинице. — Максим чувствовал, что и в этой схватке он не вышел победителем. Медленно опустив руки, подполковник отошел к входной двери, висевшей на одной верхней петле.

— Я должна быть уверена, что ты не отступишь! — Голос Ольги изменился, потеряв нотки игривости и ласки. Теперь, кажется, он звучал решительно и даже требовательно. Но были в нем и другие интонации — более те-

плые и просящие. Она пыталась договориться. — Максим, чего ты хочешь? Скажи! Я дам все... лишь бы ты не отступил!

Максим оглянулся и посмотрел в глаза Ольги. Ему показалось, что в ее взгляде проскользнуло что-то... родное. Максиму хотелось начать говорить. Высказать ей все, что сидело у него глубоко внутри... То ли в душе, то ли в подсознании. Но он не находил слов. Так и ушел, оставив в страшном полуразрушенном домике ту, которую не любил... по крайней мере, так он считал...

Михаил Александрович всегда просыпался за несколько секунд до звонка будильника.

Вообще, зачем он был нужен, этот звонок?! Почему Миша ежедневно включал будильник? Причем делал это каждый вечер... изо дня в день... много лет... Не ставил на ежедневный повтор звонка в своем простом кнопочном телефоне, а именно заводил тремя поворотами ключа механизм в старом дедовском будильнике производства завода «Слава». Кому был нужен этот ритуал? Ведь он все равно не спал. Просто пребывал в каком-то забытье. При этом всегда точно чувствовал все, что происходило вокруг.

Привычным движением майор выкинул свое тело из большой двуспальной кровати. Из той ее части, которая находилась ближе к окну. Он всегда спал на этом месте...

Первое время, оставшись совсем один, Миша подолгу засиживался на диване у телевизора. Включал его достаточно громко. Так, чтобы заглушить все голоса в доме... Как будто здесь кто-то кричал...

Выбор канала не имел значения. Но лучше, чтобы это был спорт — футбол, хоккей, бокс — или боевик покруче. Именно в боевиках, особенно американских, шумели лучше всего.

Потом, с годами, он все же перебрался в их старую спальню. Просторная, с большой кроватью у дальней стены, обставленная старомодной румынской мебелью, доставшейся еще от родителей Михаила, она была его любимой комнатой в доме. Несмотря на полный отказ от звукового сопровождения, в спальне ему удавалось легче переживать ночь. Здесь получалось провалиться в забытье...

А голоса... они продолжали звучать в его голове в любом случае.

Высокий, худой и нескладный, Михаил Александрович тщательно намыливал лицо старым помазком и скоблил его простым одно-разовым станком. Тоже многолетняя привычка. Осталась еще со счастливых годов военной службы. Ординарец комполка, он должен был выглядеть на все сто. И, следуя дедовским устоям, брился дважды в день — утром перед завтраком и вечером перед ужином. За это, а также за другие заслуги командир даже написал

родителям письмо, где хвалил сына за службу и ставил в пример другим.

А родители дали почитать письмо Гале.

Галя... Как он любил ее! Как знал, что это его судьба, посланная свыше! Еще со школы, класса с пятого... а может, и с третьего. Поначалу нещадно дергал за косы, мутузил почем зря. А потом... спать не мог ночами, ждал рассвета, чтобы нести в школу ее портфель и отгонять других, охочих до голубых глаз Галины, пацанов.

Почистив зубы, Михаил Александрович посмотрел на себя в треснувшее зеркало над раковиной. На него глядел худой, осунувшийся мужчина лет пятидесяти пяти. Хмурое лицо с землистым оттенком кожи и охапкой жестких, как конская мочалка, волос оставляло жуткое впечатление. Он был уверен, что видел перед собой мертвеца... Только когда?! Когда этот труп перестанет наконец дышать?!

Как назло, со здоровьем у Михаила Александровича все было в порядке. Родительские гены и детство, проведенное в полях и лесах предгорий Кавказа, сыграли с ним злую шутку. Не имея никакого желания жить так дальше, он был обречен бороться со своим крепким организмом. Судя по средней продолжительности жизни предков, легко дотягивавших до восьмидесяти, Михаилу Александровичу оставалось мучиться еще лет тридцать—тридцать пять. Ведь ему было всего сорок четыре...

Зазвонил телефон. Незнакомый номер, но Михаил знал, кто мог искать его в это время.

— Да!

— Михал Александрыч, здравствуйте! Это Мукасев, следователь комитета. — Молодой голос в трубке говорил осторожно и аккуратно, как будто боялся обидеть. — Вы не на дежурстве? Можете говорить?

— Слушаю!

— Могли бы зайти к нам сегодня после обеда, Михал Александрыч?

— С вещами?

— Что? Не расслышал! — Молодой следователь явно волновался.

— Я говорю, с вещами приходите, лейтенант? Или так пока? — не меня сухой интонации, уточнил Михаил.

— А... Да нет, с вещами не надо... Но адвоката бы завести... не помешает, Михал Александрыч. — Голос следвателя постепенно становился сочувствующим.

— Москвич здесь?

— Тута уже. Приехал рано утром. В гостинице «Агат» живет, у дяди Арсена.

— Хорошо! — Миша на секунду задумался. — Скажи ему, приду в шесть вечера, перед дежурством. Раньше пусть не ждет, занят! Не устраивает — присылайте повестку.

— Но, дядь Миш... — Лейтенант так и не успел возразить. Михаил повесил трубку.

Майор вышел из давно не крашенных ворот своего дома и пошел вниз по грунтовой дороге. Полицейская форма сидела на нем мешковато, выдавая все особенности нескладной фигуры, ставшей с годами еще и сильно сутулой. В левой руке Симонов держал черную папку — свой многолетний неотъемлемый атрибут. Бог его знает, что он там носил! Содержимое потертотого кожаного прямоугольника в руках у лучшего оперативника района было предметом споров всего управления полиции Апшеронска. И еще их оппонентов из криминальной среды...

В этот час на улице в его районе почти никого не бывало. Обычно дети досиживали в школе второй урок, а некоторые взрослые уже трудились на рабочих местах.

Но сегодня был особый случай. Не выходной и не праздник. Горожане остались у себя в домах, потому что готовились к приближающемуся урагану.

Предупреждение от МЧС пришло еще вчера. Дождь, длившийся несколько дней подряд, поднял воду во всех реках. Особенно тяжело было в районе Туапсе. Сегодня или завтра там ожидали большой сель и подтопление.

И хотя до Туапсе было далеко, но тревога ощущалась и в Апшеронске.

Симонов должен был заступить на ночное дежурство в 21.00. Формально он был свободен. Но сидеть дома не получалось. И майор, как

и во все другие дни, вышел из дома на несколько часов раньше, исполняя годами отточенный ритуал.

Вот уже восемь лет, как его маршрут на работу, а кроме работы он больше никуда не ходил, пролегал через городское кладбище.

Михаил всегда добирался до него пешком, хотя расстояние и не было близким. Но час в пути и почти столько же оттуда до работы помогли значительно сократить щемящую пустоту светового дня.

Прохождение наработанного маршрута, однако, тоже было для Михаила тяжелым испытанием. Город маленький, и все в нем знают друг друга в лицо. Здраваться с людьми, а тем более вести какие-то разговоры Симонову было не по силам. Именно поэтому он давно проложил свой путь так, чтобы его появление на улицах не предполагало частых встреч.

Миша преодолевал несколько километров по родному Апшеронску, умудряясь не выходить на центральные улицы. Он знал каждый дом, каждый куст, каждое дерево, каждый проход между заборами, каждую канавку и даже места, где их можно перепрыгнуть. Ему было известно, кто из разбогатевших жителей района позволил себе установить собственное видеонаблюдение, и он помнил расположение всех камер, угол их съемки. Конечно, ведь это был его город! Недаром Симонов считался в Апшеронске лучшим

ментом, самым опытным оперативником. Уважаемым и опасным!

Каждый день майор методично повторял свой маршрут, подмечая малейшие изменения, которые происходили на улицах за недолгие часы его отсутствия. Дорога пролегала мимо таких разных и в то же время одинаковых домов в частной застройке. Просачивалась сквозь небольшие дворы многоэтажек. Проходила по краю городского парка и дальше, через промзону лесозаготовителей, распространявшую вокруг чуть сладковатый жженный запах распиленного дерева.

Это место Миша любил, если так можно обозначить сохранившиеся в его душе чувства, больше всего. Ведь Маше он так нравился... этот запах... так нравился!

По узким улочкам и дворам Симонов наконец-то добрался до окраины и вышел в самый конец Исполкомовской улицы. За ней были выезд из города и само кладбище. Здесь его точно уже никто не повстречает. Только автомобилисты на проезжающих машинах...

Михаил сидел на скамейке у края маленького заборчика по несколько часов кряду. Торопиться было некуда. Когда-то он обсадил всю могилку невысокими кустами, за которыми с годами не стало видно уже ни надгробного камня, ни того, кто находился рядом. Много

лет одинокая сгорбленная фигура майора не-много пугала привыкших к нему редких прохожих и посетителей кладбища. А в церковные праздники, когда соседи отправлялись к своим могилкам, Симонов специально брал отработку в управлении...

Со стороны могло показаться, что Михаил о чем-то общался с родными, покоящимися в земле. На самом деле он молчал. У него не было ни мыслей, ни чувств, ни слов, которые он мог бы произнести. Только пустота...

Нет, когда-то он говорил... причем немало. Задавал главный вопрос — почему?! Еще когда была жива Галя... Но потом и она легла в землю. И слов не стало. Михаил отчетливо помнил этот момент. Тогда он стал совсем другим человеком. Человеком ли?!

Время на кладбище летело незаметно. Началось темнеть. Теплый, но неприятный ветер усиливался. Пошел мелкий морозящий дождик — авангард будущего урагана. С юга, со стороны горной гряды подтягивались его грозные плотные тучи.

Надо идти. Следак из Москвы ждал Михаила в кабинете на улице Кирова. Пора было заканчивать...

Симонов шел вдоль трассы в сторону центра. Его левая рука крепко сжимала черный прямоугольник кожаной папки, а правая при-

держивала за козырек офицерскую фуражку. Казалось, усиливающийся ветер готовится снести, утащить его не только с обочины, но и вообще из города. Подхватить, как девочку Элли из «Волшебника Изумрудного города», и забросить куда подальше, в другой мир.

Пролетавшие мимо автомобили нещадно обливали майора грязью. Но ему все было ни-почем. Казалось, сильная и жилистая фигура Михаила, несмотря на свою несуразность, была хорошо приспособлена для перемещений в непогоду.

Мимо Симонова быстро проехал и резко затормозил в пятидесяти метрах внедорожник темного цвета. Секунду помедлив, объемный автомобиль немецкого производства дал резкий задний ход и вернулся к Михаилу.

«Блажко!» — узнал машину Симонов и остановился у передней пассажирской двери.

Окно автомобиля спустилось, и Альберт, явно торопясь, замахал рукой майору:

— Михал Александрыч, садись!

— Альберт, проезжай! Я мокрый весь! — Михаилу совсем не хотелось нарушать свое одиночество.

— Да ну, садись быстрее, сейчас весь салон водой зальем. Кому говорю, Миша! Я без тебя не уеду! — Обычно выдержанный Альберт на этот раз произнес слишком много слов. Секунду помедлив, Симонов отряхнул капли до-

жда с фуражки и опустился на переднее сиденье.

— Что ж ты пешком, да в такую погоду, майор?! Неужели прогноза не слышал?! — Альберт давил на газ, немного, в пределах разумного, превышая скорость. Проезжая мимо спрятавшихся под козырьком поста полицейских, успел моргнуть фарами в ответ на поднятую в приветствии капитаном руку. — Так и воспаление легких заработать недолго.

— Нормально, — сухо отреагировал майор. — Ты куда?

— Да в школу, детей соседских забрать. Сам сейчас не доберутся.

«Хороший мужик. Странно, что депутат. Бог даст, власть заметит, друзья не сдадут — станет городским главой», — подумал майор.

— Высади меня на Кирова.

— У прокуратуры? — Взгляд водителя стал напряженным. Симонов молча кивнул головой. — Сейчас заедем. Ты... про следака слышал?

— С утра напели уже. К нему и иду... еду.

Несколько секунд они молчали, пытаясь заново нащупать тему разговора. Редкие бегущие прохожие и мчащиеся навстречу автомобили создавали ощущение приближающегося коллапса. Водитель и его пассажир как будто сидели в зале большого кинотеатра и смотрели эпизод из фильма-катастрофы, сопровождавшийся пер-

воклассными звуковыми эффектами в виде барабанивших по крыше авто капель.

Проехав мимо двухэтажного здания полиции и дважды свернув налево, внедорожник Альберта оказался на нужной улице. До здания прокуратуры на Кирова, 26 оставалось метров сто пятьдесят.

— Там это... в гостинице у Арсена мест-то нет совсем... много их приехало, — наконец выдавил из себя Альберт, останавливая машину напротив частично облупленного памятника вождю мирового пролетариата.

— Кого? — коротко поинтересовался Михаил, взявшись за ручку двери.

— Москвичей этих. Кто такие, не знаю, но говорят, микроавтобус два раза народ из аэропорта возил.

— Мне это неинтересно, — сухо отрезал Михаил, готовясь выйти из машины.

— Миш, ты это... знай, что мы... мы с тобой, в общем. — Было видно, что Альберт пытается и не может подобрать слова. — Если что... там, за могилкой посмотреть... Ну, ты понял...

Михаил несколько секунд смотрел в глаза своего знакомого, который, в общем-то, не был ему ни другом, ни даже товарищем...

— Спасибо, что подвез. — Симонов резко вышел из машины и направился в сторону дверей трехэтажного серого здания с табличкой «Прокуратура». Автомобиль за его спиной чуть

помедлил и сорвался с места, уезжая за детьми в школу.

Казалось, Альберт до последнего момента ждал, что Симонов обернется, поднимет руку в прощальном жесте или слегка улыбнется, чуть поджав губы, как делал это когда-то...

Но он не обернулся.

Максим не любил маленькие города. Почему? Ответа у него не было. Просто не любил. Может, потому, что вынужден был посещать их, катаясь в командировки? Скорее всего. Ведь все его поездки были связаны с чем-то ужасным и смертельным... в прямом смысле этого слова.

Он стоял у большого окна на третьем этаже здания прокуратуры и смотрел на тротуар и площадку у памятника. Небольшие ручейки воды огибали постамент с двух сторон и сливались в большой ручей ближе к концу тротуара. А там, дальше, он объединялся уже с широким потоком на проезжей части и угрожал превратиться в небольшую, но полноводную реку ближе к скверу в центре города.

Лебедев вдруг почему-то задумался о названии улицы, на которой стояло здание прокуратуры. По старой традиции именем большевика из тридцатых в советское время называли минимум по одной центральной улице во всех городах страны. Годы прошли, сменились эпохи,

идеологии. Большевики в массовом сознании и в государственном понимании сами стали «врагами народа». А улицы Кирова почти повсеместно остались. Особенно здесь, на Кавказе и в прилегающих к нему регионах. Почему? Потому что именно он приезжал сюда от имени центра устанавливать Советскую власть в далеком восемнадцатом году?

«В одна тысяча девятьсот восемнадцатом...» — уточнил для себя следователь. Ровно сто лет назад. Казалось, он пытался поймать во всем какой-то символизм.

Чаще всего люди даже не помнят, кем был этот улыбающийся человек в невыразительном френче из хроники. Но улицы и площади с его звучной фамилией продолжают украшать уже новую Россию. Или не украшать...

Но подполковника сейчас заинтересовал не сам общефилософский факт, а то, из какого оружия были произведены роковые выстрелы в Питере в далеком 1934-м...

«Странно! И Кирова этого грохнули из пропавшего ствола, и этих всех... Опять символизм какой-то! Зачем он мне?!»

Максиму очень не хотелось оборачиваться. Майор был сложным объектом, сильным, уверенным, негнибаемым. И опытным — это главное! Ни одной зацепки.

«Или он слишком умен... или я ошибаюсь!» — Максим понимал, что надо заканчи-

вать. И так разговор затянулся. А прогноз погоды сбывался прямо на глазах, хотя дождь в последние пятнадцать минут подутых. Но это было лишь затишье перед бурей...

— Значит, сказать вам больше нечего, Михаил Александрович? — Максим, еле сдерживая раздражение, выжимал пакетик с чаем, обмотав его вокруг выдавшей виды ложки. Гребаный городишко! Даже чая заварить секретарь не может!

— Задавайте вопросы, я отвечу. Сам тексты придумывать не обучен, — Симонов сухо отрезал, не меняя интонации и не глядя в глаза следаку.

Максим несколько секунд добивал непослушный пакетик. Со стороны казалось, что он хочет выдавить из него больше влаги, чем это предусмотрено законами физики. Напряжение демонстрировало сложное состояние подполковника. В какой-то момент это заметили и Симонов, и молодой сотрудник, занимавшийся протоколом.

— Лейтенант, прикажи Свете, пусть принесет подполковнику юстиции Лебедеву нормальный чай, — не меняя интонации, выдал приказ Симонов.

Мукасев слегка неуверенно потянулся рукой к телефону, краем глаза наблюдая за Максимом.

— Отставить! — Следователь точным движением выкинул пакетик в не первой свежести

пластмассовое мусорное ведро. — Занимайтесь своим делом, лейтенант. Подписывайте протокол и выключайте камеру.

Мукасев резко отдернул руку от телефонной трубки и быстро заполнил последние строки в протоколе. Пока кончик его ручки скрипел, выводя буквы и закорючки, Симонов безучастно смотрел в окно, игнорируя сверлящий его взгляд москвича. В полной тишине отчетливо различались лишь мощные удары крупных капель дождя, бомбардировавших металлическую кровлю.

— Подпишите здесь... и здесь... и расшифровку... Ну, вы знаете, Михал Александрыч! — Мукасев аккуратно указал на пустые места в нижних правых углах распечатанных листов допроса.

Михаил, не проронив ни слова, подписывал протокол. Аккуратно отодвинув от себя кипу листов и положив ручку, Симонов посмотрел в глаза попивающему чай, но явно раздраженному подполковнику:

— Могу идти?

— Да... пожалуйста. И не забывайте про подпись! — Максим отвел взгляд. Но заканчивать на этом он не собирался...

Лебедев отодвинул в сторону свой суррогатный чай и направился к выходу из кабинета. Встал у двери в выжидательной позе, краем глаза наблюдая за майором.

Михаил, не торопясь, поднялся со своего места, прихватил отложенные в сторону фуражку, черную папку и пошел следом за Максимом. Их взгляды, полные решимости и готовности к конфликту, пересеклись в момент, когда Симонов взялся за ручку двери.

— Слышал, вы сегодня дежурите? — Максим не торопился прощаться.

— Собираюсь.

— Странно! На месте вашего непосредственного руководства я бы давно отстранил вас от несения службы, — Максим явно хотел задеть Симонова, вывести его из состояния равновесия.

Михаил, понимая смысл его действий, реагировал спокойно. Конфликт ему не был нужен.

— Бог миловал! Вы пока на своем месте, а мое руководство — на своем. — Майор потянул ручку двери на себя.

Но следователь не торопился отпускать человека, из-за которого вся его собственная жизнь в последние месяцы наполнилась тревожным ожиданием и ощущением неправильности устройства мира.

— А что бы вы, товарищ майор, сделали с орудием преступления на месте настоящего убийцы? — Его «фирменный» взгляд, тот, который он пытался испытать на Ольге утром, теперь впился в глубоко посаженные немигающие глаза Михаила.

Майор не стал принимать участия в «соревновании». Допрос был окончен, все остальное к делу отношения не имеет. Опытный мент, Симонов знал это и не хотел тратить силы на лишние разговоры. Отведя взгляд в сторону раскрытой на треть двери, он на секунду замер и, не оборачиваясь, спокойным и бесстрастным голосом ответил:

— Я бы от него избавился. Навсегда.

— Значит, «макаров» этот нам не сыскать... и убийцу не прижучить?! Так, майор? — Лебедев сделал упор на последний вопрос.

Михаил не ответил, резко распахнул дверь до конца и вышел.

Следователь вернулся к окну, неприязненно наблюдая за собирающим вещи Мукасевым.

— Еще раз, лейтенант, будете прыгать под дудку допрашиваемого, я лично позабочусь о том, чтобы вы навсегда забыли про службу в любом государственном учреждении. Все понятно? — Голос проигравшего второй раз за день следователя звучал тихо и очень угрожающе.

— Так точно, товарищ подполковник юстиции!

— Свободны!

Мукасев буквально побежал к двери.

— Стойте! — Резкий окрик следователя словно пригвоздил лейтенанта к полу. — Где у вас тут... можно выпить?

— Да... мест много... У вас какие предпочтения, Максим Евгеньевич?

— Не отравиться и не слечь в инфекционку в вашем городишке!

— Ну, тогда купите бухла в магазине и пейте у себя в гостинице! — Хамоватый москвич окончательно вывел лейтенанта из себя. Молодой южанин не сдержался, даже несмотря на страх быть навсегда выброшенным из правоохранительной системы. — Разрешите идти?

— Валяйте!

День у Максима не задался. Оставалось надеяться на ночь...

Конечно, любой прогноз — дело неблагодарное. Особенно если это прогноз погоды. Они редко сбываются, по крайней мере так кажется большей части людей.

Но в этот раз предсказание надвигающегося урагана полностью оправдывало себя. Обрушится ли он на город со всей мощью, пройдет над ним или где-то рядом, а потом свалится на морское побережье, сказать было трудно. Однако чувство тревоги охватило весь Апшеронск.

Михаил, не торопясь, подходил к зданию управления внутренних дел. У него было еще минут пятнадцать, а появляться на рабочем месте раньше времени майору совсем не хотелось. Надо было избежать лишних распросов.

Притихший на некоторое время ливень дал Симонову возможность добраться до двухэтажного здания на улице Ворошилова почти без потерь. Китель надо бы посушить, почистить брюки и обувь. Но в дежурке будет для этого возможность. Да и время!

«Займусь, как сменщик уйдет», — принял для себя решение Михаил.

Он подошел к зданию управления полиции из бокового переулочка. Уже заранее майор понял, что ненужного разговора все равно не избежать — на тротуаре с торца здания стояла машина его начальника, полковника Старыгина. Водитель скучал за рулем, расслабленно откинув голову назад. Казалось, он здесь давно и может оставаться еще часами. Однако само нахождение автомобиля не во внутреннем дворе, а снаружи говорило о том, что полковник появится в дверях с минуты на минуту.

«Переждать?» — прикидывал Михаил, переходя проезжую часть. Но от этой идеи тут же пришлось отказаться. Дверь центрального входа распахнулась, и Старыгин уверенной походкой вышел из здания и направился к своей машине, а значит, и в его сторону.

Полковник в форме и плаще смотрелся внушительно. Эта была одна из его особенностей — хорошая, представительная внешность в любых обстоятельствах. Вообще странно, что

при таких данных и способности умело говорить и много пить он до сих пор не уехал работать в Краснодар или даже Москву. Хотя... Михаил знал истинную причину привязанности старого товарища к родному городу — сам начальник и особенно его жена Сонечка категорически отказывались покидать Апшеронск в последние годы. И на то были причины...

И если Старыгин еще как-то был готов уехать отсюда, чтобы попытаться открыть в своей жизни новую страницу, то Софью Александровну сама эта мысль выводила из себя. А перечесть супруге полковник не решался.

— Ну?! — Старыгин начал наступление с места в карьер.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — Симонов старался держаться максимально формально.

Старыгин сразу поймал настрой друга. Справедливый гнев стал закипать в его начальствующей груди.

— Слушай, ты, Симонов, ты... отвечай на мой вопрос! Какого черта он снова приперся из своей Москвы?!

— Вы про следователя по особо важным делам, товарищ полковник? — Михаил пытался смягчить напор товарища. Он знал — сейчас Серега выпустит пар, немного пошумит, и только потом с ним можно будет нормально поговорить.

— Хватит, Миша, хватит! — Пока Старыгин только распалялся. — Что ему надо, а?

Тянуть дальше не было смысла. Видно, полковник не отстанет, пока не выяснит подробностей. Да и к тому же дождь вновь усиливался прямо на глазах...

— Дело возобновили.

— Дело? Какое дело? — Полковник напрягся и чуть понизил голос.

— Об утере «макарова» из арсенала моей группы.

— Это... в Дагестане, что ли? — Если чем-то полковника и можно было удивить, то, видимо, этим. — Во время командировки?

— Так точно!

— Миша, так ведь сколько... Шестнадцать лет прошло?! Уже и срок давности позади!

— По вновь открывшимся обстоятельствам, товарищ полковник! После последних убийств... Ну, и пришел заводской «отстрел» «макарова»...

— И что? — Старыгин насторожился.

— Пули из четырех трупов и из того «макарыча» полностью совпали. Это один и тот же ствол! — Михаил приготовился увидеть дикую реакцию полковника, однако все произошло легче, чем ожидалось. «Видно, Старыгин и так перенервничал с ураганом», — сделал вывод майор.

— Да ладно?! И следак копает под тебя?! — Полковник все-таки немного опешил от нежиз-

данной информации. — Чего молчишь, Миша?!
Говори!

— Четыре похожих убийства, — Симонов старался рассуждать спокойно, — все из одного ствола. Подозреваемый — полицейский из той самой группы, которая потеряла этот ствол. Все основания для продолжения дела налицо. Это любой оперативник скажет.

— Да наплевать мне на всех оперативников! Чего следак делать хочет?

Михаил неожиданно для себя почувствовал, что с полковником что-то не то... ведет себя не так, как ожидалось. Да, он нервничал и горячился... все, как обычно. Но было что-то в его словах и, главное, эмоциях такое, что отличало обычного Старыгина от сегодняшнего.

— Мне неизвестны планы товарища следователя по особо важным делам! — Михаил вдруг ощутил усталость и захотел прекратить бессмысленный разговор. И тут же почувствовал, что старый друг сейчас вспылит. Пришлось вновь сменить интонацию: — Но если говорить серьезно — москвич будет копать до конца! Поверь мне! Да никто и не захочет замять такое дело! Убийцу надо поймать. Ты это знаешь! А то, что он там еще решит сотворить...

Старыгин слегка блуждающим взглядом смотрел в лицо Симонова и как будто не слышал произнесенных слов. При этом не смотрел в глаза...

«Что это с ним?! Проблемы какие?..» — Майор слишком хорошо знал своего начальника.

Определенно в лице полковника было что-то... не соответствующее их обычному общению. Может, боится? Михаил понимал, что расследование сильно ударит по Старыгину. Но неужели он будет из-за этого волноваться? Не похоже...

Краем глаза Михаил увидел, как из-за угла здания напротив появилось и быстро побегало в их сторону яркое и свежее пятно. Сделав почти незаметное движение головой, Михаил подтвердил свою догадку. Ленка, девушка молодого лейтенанта, прибежала встречать его с дежурства. В одном коротеньком нежно-розовом платьице и тоненьких ботиночках...

«Вот дура, а! — Михаил еле сдержался, чтобы не ругнуться. — Заболеет ведь!»

Девушка, полная радости от ощущения скорой встречи с любимым, легко, как в полете, перепрыгнула через большие лужи. И так же легко, не оглядываясь, пересекла дорогу в неположенном месте под радостные сигналы парочки мчавшихся мимо понтовских «десяток» с горячими молодыми парнями за рулем.

«Надо идти! Пацана отпускать... замерзнет...» — промелькнуло в голове у Михаила. Голос полковника как будто вырвал его из другой реальности:

— Миша, ты где?! Ты хоть слышишь, что я говорю?!

Майору показалось, что слова Старыгина доносятся откуда-то из-под большого эмалированного ведра. Маша так любила в детстве... Надеть на голову старое, с зеленоватым покрытием снаружи и светло-салатовым внутри ведро и звать оттуда маму и папу. А он любил поливать ее из шланга. Струи воды били по днищу и стенкам и очень веселили дочку...

А откуда эти звуки капель в голове сейчас? А-а-а... это дождь строчит по металлическим навесам на боковом крыльце управления.

Михаил поймал себя на мысли, что сегодня все кажется ему не совсем реальным. Вернее, реальностей стало много.

Ясно! Проблема не в полковнике, с ним все в порядке. Проблема в нем, в Михаиле... Но так нельзя! Надо держаться! Держаться и не подавать виду...

— Разрешите идти? Не хочу опаздывать на дежурство, товарищ полковник!

Нарушив все возможные представления о субординации, майор, не дождавшись разрешительной команды, начал движение в сторону управления.

То, что случилось дальше, тем более не вписывалось в отношения начальника и подчиненного — Старыгин резко схватил майора за локоть.

— Миша, стой!

Не проронив ни слова, Симонов обернулся и удивленно посмотрел в глаза полковнику.

— Слушай, надо... надо поговорить... — Речь Старыгина вдруг стала слегка сбивчивой и нескладной. Такое редко с ним бывало. На памяти у Михаила — всего два раза за жизнь.

— С вами все в порядке, товарищ полковник?

— Да хватит уже! Заладил — полковник, полковник... — Симонов почувствовал, что Старыгина действительно трудно говорить. — Мы можем пообщаться хоть раз... как... как раньше? А? Можем?

Как раньше?! Что понимал под этим полковник? И что мог подумать он, его ближайший друг, сосед и боевой товарищ Миша Симонов?

Михаил медлил, пытаясь осмыслить предложение Старыгина. Это был серьезный вопрос, и он требовал взвешенного ответа. Пожалуй, самого взвешенного за последние восемь лет.

— Как раньше, товарищ полковник... боюсь, уже никогда не получится...

Старыгин несколько секунд смотрел на Симонова, пытаясь ухватить и удержать его взгляд. На самом деле майору удалось очень аккуратно скрыть самую важную часть своего лица — фуражка была надвинута на лоб ровно настолько, насколько это позволяла ситуация. Симонов все видел, но свои глаза старался скрыть от ненуж-

ных взглядов. Капли дождя, все сильнее молившие его по фуражке, стекали справа и слева у места стыка козырька и окантовки. Но стоило Симонову слегка наклонить голову вперед, и капли текли вниз по всему краю, закрывая от полковника истинное состояние его души.

— Я не о том, Миша... — В голосе у Старыгина проскользнули нотки горечи. — Это понятно... Тут же другое... Ты же понимаешь!

— Никак нет, товарищ полковник, не понимаю. — Симонов не собирался так легко сдаваться. — Идите в машину, товарищ полковник, промокнете. Да и мне пора.

Старыгин несколько секунд смотрел ему в глаза сквозь стекающие капли дождя. Кажется, он пытался принять важное решение. Но что-то сдерживало его где-то там, вдалеке... вернее, в глубине его души.

— Как же так, Миша?! Я хотел сказать... — полковнику тяжело удавалось подобрать слова, — ты же герой, Миша! Сколько швали за двадцать лет переловил! Почему они так с тобой?!

Два старых друга оказались у черты, за которую подчиненный полковника не хотел переступать ни в коем случае. Дальше — пропасть и мучения для друга, которых тот недостоин...

Симонов еще раз посмотрел на Ленку. Ее платье намочало все больше и больше. Хамоватый старшина, перебежавший из подъезда миграционной службы к основному входу